

М. В. ШКАРОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ИЗЪЯТИЯ ЦЕРКОВНЫХ СЯТЫНЬ И ЦЕННОСТЕЙ В ПЕТРОГРАДЕ 1918—1922 гг.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

В последнее время в России, впервые после Октября 1917 г., коренным образом изменилось отношение к православной церкви. Начался и закономерный процесс возвращения ей некогда изъятых ценностей, реликвий и святынь. В свете этого повышенный интерес вызывает история складывания взаимоотношений религиозных организаций с Советским государством, начальный этап более чем семидесятилетнего тернистого пути церкви в стране «победившего пролетариата». Хранившиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга документы позволяют пролить свет на данные процессы в рамках Петроградской епархии. Епархиальные власти лишь несколько лет назад получили возможность создавать собственный полноценный архив, материалов до 1945 г. в нем почти нет, и поэтому источники, содержащиеся в ЦГА Санкт-Петербурга, являются уникальными. Значительная часть их ранее была закрыта для исследователей, другая находилась в свободном доступе, но практически не вовлекалась в научный оборот. Интенсивное изучение истории Русской православной церкви после 1917 г. отечественными учеными только начинается.

В советской историографии нет работ, специально посвященных событиям Ленинградской (Петроградской) епархии. Труды же по истории православной церкви в целом имеют очень общий, обзорный характер, к тому же носят сильный идеологический отпечаток прежнего официального негативного отношения к религии.¹ Наибольшую ценность из них представляют монография А. А. Шишкина, посвященная проблеме «обновленческого» раскола Русской православной церкви² и работы В. А. Алексеева о государственной религиозной

¹ Гордиенко Н. С. 1) Эволюция русского православия (20-е—80-е годы XX столетия). М., 1984; 2) Современное русское православие. Л., 1988; Корзун М. С. Русская православная церковь: 1917—1945 годы. Минск, 1987; Русское православие: веки истории. М., 1989.

² Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Калуж., 1970.

политике в 1920-е—1940-е годы.³ Вопрос же об изъятии церковных святынь и ценностей специально рассматривается лишь в работах Р. Ю. Плаксия, очень тенденциозных и односторонних.⁴

Определенную ценность имеют исторические труды священнослужителей, однако самые значительные из них никогда не были опубликованы и представляют из себя машинописные рукописи, возможность знакомства с которыми крайне ограничена.⁵ Наиболее существенный вклад в разработку новейшей истории русского православия внесли зарубежные, главным образом русские эмигрантские исследователи: А. А. Валентинов, М. Польской, А. Краснов-Левитин, В. Шавров, К. Криптон, Р. Регельсон⁶ и др. Правда, в силу объективных причин вся эта обширная литература имеет в определенной степени ограниченную источниковую базу, материалы российских архивов в ней почти не использовались. Поэтому статья призвана частично восполнить существующий пробел.

В ЦГА Санкт-Петербурга по данной теме хранятся в основном материалы государственных учреждений, регулировавших деятельность религиозных организаций в Петроградской губ. Первоначально, с мая 1918 г., эти функции исполнял отдел юстиции губисполкома, но с 12 октября 1921 г. они были переданы в отдел управления, так как у отдела юстиции отсутствовал соответствующий аппарат в районах и уездах. При отделе управления в ноябре возник церковный стол, а еще через месяц подобные столы появились в нижестоящих инстанциях. Для разрешения наиболее значительных вопросов была организована специальная межведомственная комиссия из представителей отделов юстиции, управления, губпрофсовета, губполитпросвета и ГПУ. В начале 1922 г. к церковным столам перешли также функции регистрации обществ, союзов, религиозных и иных организаций, и 1 марта они были соответствующим образом переименованы.

Наиболее крупный комплекс документов хранится в фонде Петербургского горисполкома (№ 7384), в описи дел городской комиссии по делам культа, в 1931 г. сменившей стол регистрации и унаследовавшей его архивы. Это прежде всего дела по наблюдению

³ Аджиев И. А. 1) «Правая оппозиция» и борьба с религией // *Агитатор*, 1989, № 5, С. 41—44; 2) Иллюзии и догмы // Там же, № 16, С. 19—23; 3) Неожиданный диалог // Там же, № 6, С. 41—44; 4) Иллюзии и догмы. М., 1992.

⁴ Плаксин Р. Ю. 1) Крах церковной контрреволюции: 1917—1923 гг. М., 1968; 2) Тихомирова и ее крах. Л., 1987.

⁵ Шанишвили А. А. Очерки по истории Русской православной церкви новейшего периода. М.; Л., 1954. Машинопись; Кузнецов А. И. Общественный раскол в Русской Церкви. В 3-х т. Астрахань, 1956—1959. Машинопись; А. М. (Мануйл, архиепископ). Каталог русских архиереев за последние 60 лет: 1897—1957. Чебоксары, 1958. Машинопись; Иоанин (Сычев), архиепископ. Топография архиерейских кафедр Русской Православной Церкви периода с 1893 по декабрь 1986. Куйбышев, 1986. Машинопись.

⁶ Валентинов А. А. Черная книга: (Штурм небес). Париж, 1925; Польский М. Новые мученики российские: Первое собрание материалов. Джордановоли. 1949; Краснов-Левитин А. Длинные годы. 1925—1941. Париж, 1977; Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. В 3-х т. Кюсюкхт, 1978; Регельсон Р. Трагедия русской церкви 1917—1945. Париж, 1977; Криптон К. Защита канонии православия. 1922—1925 // Вестник русского студенческого христианского движения. Париж, 1979, № 128, С. 218—243.

за деятельностью храмов Петербурга с 1918 г., исторические справки, инвентарные описи последних, анкеты и списки членов их «двенадцаток», священнослужителей, протоколы общеприходских собраний, планы, фотографии церковных зданий и т. д. Значительную ценность представляют материалы об открытии и закрытии храмов, проведении религиозных празднеств, регистрации религиозных обществ. Имеются в фонде и дела по изъятию церковных ценностей в 1922 г. — мандаты, акты, описи изъятых ценностей.

Обширное собрание материалов за 1918—1923 гг. содержится в фонде Петроградского губернского отдела управления (№ 1001) — протоколы заседаний и отчеты о деятельности столов регистрации, сводки об общем, политическом, административном состоянии районов города в период изъятия церковных ценностей, переписка с епархиальным советом и митрополитом. Документы районных столов регистрации сохранились далеко не полностью. Лучше они представлены в фондах Петроградского (№ 151), Московско-Нарвского (№ 104) и Центрального городского (№ 56) райисполкомов, в них имеются даже протоколы заседаний губернских комиссий по изъятию церковных ценностей и оказанию помощи голодающим Поволжья за 1921—1922 гг. Правда, нужно отметить, что значительная часть соответствующих материалов Василеостровского, Смольнинского и ряда других райисполкомов до сих пор закрыта для исследователей.

Основным источником для изучения проблемы вскрытия и изъятия мощей канонизированных святых православной церкви в 1918—1919 гг. в Петрограде являются фонды ЦИК и Совета Комиссаров Союза коммун Северной области (№ 143), а также Комиссариата внутренних дел СКСО (№ 142). На основании циркуляров и распоряжений НКВД, VIII (ликвидационного) отдела Наркомата юстиции они дают представление и о политике центральных властей в этом вопросе. Сохранились в этих фондах и письма, заявления, резолюции митрополита Вениамина. Наконец, ценные сведения можно почерпнуть из документов Петроградского губернского Совета (ф. 1000), и ряде стенографических отчетов и протоколов его заседаний за 1921—1922 гг. отложились материалы обсуждения депутатами проблемы изъятия церковных ценностей.

Основы почти бесправного положения церкви в СССР были заложены уже через несколько месяцев после Октябрьской революции — декретом СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января 1918 г., первоначально называвшимся «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Хотя он содержал и целый ряд демократических положений, в том числе о свободном исповедании любой религии, однако религиозные организации лишались всякой собственности и права приобретать ее, теряли юридическое лицо. В последующие годы гражданской войны отношения церкви с рабоче-крестьянским государством продолжали обостряться. В этот период попытки нормализации их чередовались с репрессиями представителей нелояльного духовенства. Но все время неизменной оставалась цель уменьшить, подорвать авторитет православной церкви. В связи с этим и стали производиться изъятия мощей ее канонизированных святых. Подобные акции были расценены как действенное средство антирелигиозной пропаганды и получили полное одобрение органов государственной власти.

Первые случаи вскрытия почитаемых верующими захоронений относятся к лету 1918 г., а 19 декабря и Президиум исполкома Союза коммун Северной области (СКСО), как свидетельствует протокол его заседания, принял решение «О посылке комиссий в Александрo-Свирский монастырь для исследования „мощей“». В результате столкновения при изъятии ценностей и вскрытии мошей в монастыре пролилась кровь. Эти трагические события освещает, хотя и достаточно тенденциозно, сохранившаяся переписка Комиссариата внутренних дел СКСО с Олонецкой губернской ЧК. Особенный размах подобные акции стали приобретать весной 1919 г. Первым распоряжением центральных органов власти по этому поводу являлось циркулярное письмо Наркомата внутренних дел от 28 февраля 1919 г., а 14 марта соответствующее постановление издал Наркомат юстиции (заверенная копия которого хранится в ЦГА Санкт-Петербурга): «Вскрытие мошей, производимое на местах по инициативе самих рабочих, необходимо приветствовать, так как во всех случаях, как и следовало ожидать, на проверку оказывается, что никаких „мошей“ не существует, и при этом, ясно для всех, вскрывается многовековой обман служителей культа, а также и спекуляция эксплуататорского класса на религиозных чувствах темной и невежественной массы...». Открытые раки предполагалось передавать в местные музеи.³

Сразу же после выхода постановления, 27 марта, Комиссариат юстиции СКСО запросил разрешение Президиума Петроградского Совета на проведение вскрытия останков св. Александра Невского. Однако мощи князя были наиболее почитаемой религиозной святыней города, и в результате упорного сопротивления петроградского духовенства Комиссариату юстиции пришлось уступить. Как свидетельствуют документы, 24 апреля Комиссариат юстиции СКСО, вдохновленный состоявшимся вскрытием мошей св. Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре, выступил с повторной инициативой, также не увенчавшейся успехом.⁴ В это время многочисленные эксцессы при изъятии останков святых заставляли занимать более осторожную позицию. Так, в дополнительном циркуляре отдела управления НКВД от 23 апреля делалась попытка упорядочить подобные акции, в частности указывалось: «Ни в коем случае не действуйте так, чтобы потом пришлось опираться на вооруженную силу».⁵

Следующий комплекс материалов по данной проблеме относится к осени 1919 г. Особенную ценность представляют подлинные послания епархиального руководства председателю Петроградского Совета Г. Е. Зиновьеву. В период реальной угрозы городу со стороны войск Юденича Петроград стали очищать от сомнительных элементов. Планировались и антицерковные акции. 15 сентября митрополитом Венямином была направлена к Зиновьеву делегация известных относительной лояльностью к властям священников и мирян (А. Введенский, Н. Сыренский и др.). В заявлении делегации

³ ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 2, л. 16 об.—17.

⁴ Там же, ф. 1000, оп. 3, д. 119, л. 8—9.

⁵ Там же, л. 7.

¹⁰ Там же, ф. 142, оп. 1, л. 5, л. 27—27 об.

отмечалось, что церковь взволнована «упорными слухами о поголовном аресте (или высылке) петроградского духовенства ввиду их контрреволюционности или в качестве заложников... петроградское духовенство твердо стало на декрете об отделении церкви от государства. Мы занимаемся исключительно религиозной деятельностью. Религия же в РСФСР не гонится... Мы объясняем себе слухи и вести о тех или иных эксцессах в этом отношении, что не всюду советские работники правильно проводят декрет в жизнь... И нам думается, что все эти слухи, напротив волнующие верующие массы, будут опровергнуты высшей властью — исполнительным комитетом».¹¹

В этот же день петроградский митрополит направил еще одно, уже личное послание Зиновьеву: «В первых числах текущего сентября на лекции „О коммунизме и религии“ члена ВЦИК Красикова и М. В. Галкина была поставлена на голосование резолюция, предлагающая все мощи изъять из церквей и сконцентрировать в особом музее, в частности, так поступить и с находящимися в Петрограде мощами св. Александра Невского. Слухи об этом весьма взволновали православное население Петрограда... Желая успокоить верующих и выяснить положение вопроса о вскрытии раки благоверного князя, обращаюсь к Вам, гражданин Зиновьев, как стоящему во главе Петроградского правительства с просьбой от лица многих тысяч верующих, в числе которых немало рабочих и крестьян, приведенной в начале резолюции не придавать значения и не приводить ее в исполнение и этим дать мне возможность успокоить многие тысячи взволнованных людей...».¹² В то время послания оказали свое воздействие.

К лету 1920 г. по стране в целом было произведено уже 58 вскрытий мощей, и правительством решено полностью завершить кампанию. 29 июля Совнарком в основном утвердил предложения Наркомата юстиции «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе». Как свидетельствует переписка с Зиновьевым, правительство в этом вопросе учитывало мнение Президиумом Московского и Петроградского Советов и просило их прислать свои возражения, «если они будут, а также лично оппонентов в СНК-ом».¹³ Серьезных возражений не последовало, и 25 августа Наркомат юстиции издал обобщающий циркуляр. В нем даже предлагалось возбуждать судебное преследование при обнаружении «дальнейших случаев шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты».¹⁴

Но выполнить намеченные планы полностью не удалось. Сохранившийся значительный авторитет церкви помешал этому. В новом секретном циркуляре Наркомата от 1 апреля 1921 г. (лишь недавно ставшем доступным для исследователей) фактически признавалось поражение: «1. Не производить ликвидацию мощей в таких условиях, когда получается впечатление, что орган местной власти, совершенно не поддерживаемый сколько-нибудь солидной частью трудящихся, и при полном несочувствии всего населения, а только опираясь на силу своего служебного положения, производит эту опе-

¹¹ Там же, ф. 1000, оп. 79, л. 24, л. 16—17.

¹² Там же, л. 14—15.

¹³ Там же, оп. 4, л. 73, л. 83.

¹⁴ Там же, л. 84.

рацию, как бы повинуюсь лишь предписанию из центра... 2. Часто наблюдается, что органы власти, без подготовки и твердо продуманного плана приступившие к ликвидации и встретив неожиданное для них сопротивление и апатию церковников, кулаков, обывателей, малодушно пасуют и не доводят до конца предпринятой операции. В результате таких непродуманных действий оказывается: мощи разворочены, лежат там же, где и были, т. е. в церкви (из которой вывезти Советы не решаются), раздражая своим видом страсти обывателей, и являются явным доказательством бессилия и безрукости местных органов». ¹⁵

Для относительно спокойной ликвидации мощей и других почитаемых святынь в таких крупнейших религиозных центрах, как Петроград, требовалась длительная и тщательная подготовка, проведение масштабной антицерковной агитационной кампании и т. д. В 1920—1921 гг. таких условий еще не было. Отношения городских властей с митрополитом оставались внешне даже лояльными.

Ситуация изменилась в 1922 г. В ходе массового изъятия ценностей православной церкви для дальнейшего подрыва ее авторитета было решено использовать и такой казавшийся беспроигрышным метод, как вскрытие мощей Александра Невского, действительное состояние которых являлось хорошо известным петроградскому руководству. В протоколе заседания Большого Президиума губисполкома от 8 мая указано: «Вскрытие мощей произвести во время изъятия серебряной раки Александра Невского...». ¹⁶ В обстановке разворачивавшегося террора митрополит уже не смог воспрепятствовать, ему пришлось лично присутствовать 12 мая на публичном осмотре останков князя. На вскрытии было несколько сот представителей от воинских частей, предприятий, значительная часть — от райкомов и укомов РКП(б), причем все они регистрировались по специальным удостоверениям в Смольном и получали мандаты на присутствие (хранятся в архиве). ¹⁷ Серебряный саркофаг князя был изъят и по частям перевезен в Эрмитаж. Однако сами мощи духовенство во главе с Венямином тогда все же отстояло — ядичек с ними после осмотра была снова запечатан и вопреки циркуляру Наркомата юстиции помещен на хранение в алтаре собора Александро-Невской лавры. Окончательное их изъятие произошло через несколько месяцев, вскоре после расстрела петроградского митрополита в августе 1922 г. ¹⁸

Гибель Венямина явилась завершающей страницей всей трагической кампании изъятия церковных ценностей. В ЦГА Санкт-Петербурга отсутствуют протоколы заседания Политбюро ЦК РКП(б) или Совнаркома, но, как свидетельствуют недавно опубликованные документы руководителей коммунистической партии, в том числе В. И. Ленина, голод в Поволжье являлся скорее поводом для ее развертывания. Ставились задачи «разбить неприятеля наполю», расстрелять «представителей реакционного духовенства», наконец, произвести раскол, создать более покорную церковную организацию.

¹⁵ Там же, оп. 5, д. 230, л. 384—384 об.

¹⁶ Там же, ф. 1001, оп. 1, д. 320, л. 33.

¹⁷ Там же, ф. 1000, оп. 6, л. 60, л. 167.

¹⁸ Краснов-Левитин А. Лихие годы. С. 69.

Лишь часть конфискованных богатств пошла на нужды голодающих.¹⁹

После первых сообщений о голоде в Поволжье православная церковь сразу же откликнулась на это бедствие. Еще с августа 1921 г. она стала собирать различные пожертвования. Декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 г. о немедленной конфискации местными Советами почти всех драгоценных предметов, имевший явно антицерковную направленность,²⁰ был полной неожиданностью для духовенства. В ответном послании патриарха Тихона от 28 февраля насильственное изъятие называлось святотатством, религиозным общинам возбранялась даже добровольная передача «священных предметов». Так вспыхнул новый трагический конфликт церковь с государством.

Документы ЦГА Санкт-Петербурга позволяют подробно осветить ход кампании по изъятию церковных ценностей в «северной столице». Здесь первоначально сложилась иная ситуация, чем в Москве. Митрополит, стараясь прямо не переступить осуждающей воли патриарха, все же стал проводить более компромиссную политику. Выдвинув определенные условия, он пошел на переговоры с городским руководством. Вениамин соглашался уступить ценности, но без насильственного изъятия, а как вольную жертву. В его послании от 5 марта говорилось, что «православная церковь следует зовам Христа Спасителя и всегда являлась образцом высокой любви в годину бедствий, вплоть до священных сосудов».²¹ В этот же день в Смольном состоялось совещание с представителями духовенства, на котором присутствовал и митрополит.

Стенограмма совещания не сохранилась, но его итоговый документ, учитывающий ряд требований Вениамина, ярко свидетельствует о примирительной атмосфере переговоров. Президиум губисполкома санкционировал для комиссии Помгоса право пойти на многие уступки (порой сильно отступающие от соответствующей инструкции Наркомата юстиции): духовенству предоставлялась возможность присутствовать и самому производить изъятие, участвовать в запечатывании, установлении точного веса ценностей в губфинотделе, переплавке их в слитки; предметы, имеющие для верующих особую значимость, могли быть заменены соответствующим металлом по весу и т. д. Состоялась даже предварительная договоренность (вопреки всем циркулярам), что для контроля два представителя от петроградских верующих будут сопровождать церковные ценности до места назначения, пока они не превратятся в хлеб.²²

Петроградский Совет первоначально считал, что единственная цель декрета об изъятии — получение в свое распоряжение церковных ценностей, и поэтому держался примирительной политики. Учитывая известное ему настроение масс и опасаясь эксцессов, он находил нужным, не отступая по существу от указаний, стараться провести их в жизнь в форме, не вызывающей осложнений. В тот момент данную позицию разделяло и бюро губкома РКП(б). Как

¹⁹ Цитируемые документы В. И. Ленин (1920—1922 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191—194.

²⁰ Красная газета. 1922. 23 февр.

²¹ ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 6, д. 266, л. 54.

²² Там же, л. 51.

свидетельствует протокол его заседания от 17 февраля, ставилась задача проводить кампанию по изъятию ценностей «с особой осторожностью и тактом».²³ В февральском секретном циркуляре Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) также указывалось: «Постановление ВЦИКа необходимо проводить с сугубой осторожностью. „Священные предметы“, без которых не может совершиться отправление какого-либо культа, нужно непременно заменять менее ценными. 4) Не следует также обдирать или срыпать с предметов различные украшения небольшой ценности, дабы не приводить в негодность самый предмет, и т. п.»²⁴

Однако соглашение, заключенное 5 марта, так и не было реализовано. Оно не отвечало сути государственной церковной политики в тот период. Под воздействием центра был изменен состав Петропомгола. 18 марта ответственным руководителем по изъятию церковных ценностей оказался назначен бывший председатель Петроградской ЧК, сторонник жесткой линии И. Бакаев.²⁵ В этой связи ценным источником являются протоколы заседаний Президиума Петропомгола, дающие возможность проследить эволюцию его политики. В середине марта городские газеты начали кампанию против «князей церкви» (она уже давно шла в стране). Посланием Вениамина, явившимся, как было условлено, уточнить детали соглашения, было объявлено, что ни о каких пожертвованиях, ни о каком участии верующих в контроле не может быть и речи. Церковные ценности будут изъяты в формальном порядке.

Митрополит отреагировал посланием (оно было частично опубликовано в газетах), в котором отразилось давление более непримиримо настроенного духовенства. В нем выражалось сомнение в том, что все пожертвованные святыни будут употреблены исключительно на помощь голодающим, говорилось о крайности этой меры и обязательности благословения патриарха, о необходимости относительной самостоятельности церкви в данном вопросе.²⁶ Положение обострилось тем, что 15 марта у Казанского собора, а 16-го на Сенной площади произошли столкновения членов комиссии по изъятию с враждебно настроенными верующими, которые пытались их избить (сохранились соответствующие сводки милиции). Значительные группы прихожан отличались гораздо большей оппозиционностью, чем священнослужители.

Хорошо характеризует изменившуюся обстановку в городе stenogramма заседания Петроградского Совета 20 марта, посвященного проблеме церковных ценностей. В большинстве выступлений депутатов уже прямо говорилось, что церковь хочет использовать свою организацию для антисоветских целей: «Говарщи, вы видите, что здесь самая форменная черная реакция пытается высунуть свой нос», «тем контрреволюционным гадам, которые сейчас выплывают и думают политически на этом изъятии ценностей сыграть, дать отпор». Звучали даже упреки комиссии Помгола в слабости, попытках договориться с церковниками. Когда же депутат Н. И. Красильников стал

²³ Там же, д. 108, л. 50.

²⁴ Там же, ф. 1001, оп. 107, л. 103, л. 7.

²⁵ Там же, оп. 1, д. 320, л. 11 об.

²⁶ Петроградский приезд. 1922. 22 апр.

убеждать, что «духовенство действительно само отдаст предметы, которые есть в храмах, но чтобы ни малейшего насилия не было произведено», его встретили шумом, свистом, криками: «Довольно!». В конце концов ведущий заседание и задающий тон Зиновьев прервал Красильниковца. В результате была принята резолюция, прямо искажающая события: «...часть высшего духовенства упорствует и выступает на путь борьбы против правительственного декрета... В частности, митрополит петроградский Вениамин в Петрограде стал на этот путь. Комиссия помощи голодающим обратилась к митрополиту Вениамину с лояльным предложением сотрудничества и с готовностью пойти навстречу религиозным чувствам верующих. На это приверженцы митрополита Вениамина ответили тем, что пытались мобилизовать против голодающих часть купцов и спекулянтов Сенного рынка... Петроградский Совет предупреждает всех и каждого, что попытки сорвать помощь голодающим будут пресечены суровой рукой».²⁷

Ситуация в Петрограде вновь изменилась к концу месяца. 24—25 марта в газетах было опубликовано воззвание 12 наиболее лояльных по отношению к власти священников и протопиереев, явившееся первым их шагом к церковному расколу. Но даже в нем после призыва пойти на «невозможные жертвы» ради спасения умирающих отмечалось, что «я принципе на это благословили нас и патриарх Тихон, и митрополит Вениамин, и другие архиереи».²⁸ Многие из подписавших воззвание, как, например, А. Введенский, были ранее лично близки с петроградским владыкой и тогда еще не порвали с ним. Несомненно, эта группа встречалась с руководителями губкома РКП(б), начавшими поддерживать ее, и стала связующим звеном возобновления переговоров с Вениамином. Не могло не учитываться и настроение значительных слоев трудящихся. Так, например, согласно протоколу собрания рабочих Ижорского завода, две трети из них проголосовали за добровольную помощь церкви голодающим.

В свою очередь митрополит понимал, что прямая конфронтация способна привести к самым тяжелым последствиям. Конечно, городские власти не могли разрешить самостоятельную помощь церкви голодающим, но в ходе переговоров, как свидетельствуют архивные документы, все же вновь пошли на ряд уступок, хотя и менее существенных, чем в начале марта. 10 апреля Вениамин обратился с воззванием, опубликованным в печати, в котором говорилось, что «если гражданская власть, ввиду огромных размеров народного бедствия, сочтет необходимым приступить к изъятию... святынь, я и тогда убедительно призываю пастырей и паству отнестись по-христиански».²⁹

Петроградский митрополит сделал все возможное, чтобы предотвратить столкновения при изъятии ценностей. Это видно даже по довольно тенденциозной секретной «Свидке общего политического и административного состояния г. Петрограда и губернии за март месяц 1922 г.», один из разделов которой назван «Агитация духовенства»: «В Петрограде повсеместно наблюдалось стечение толп около

²⁷ ЦПА СШБ., ф. 1000, оп. 6, л. 266, л. 59, 70, 73—74.

²⁸ Красная газета, 1922. 25 марта.

²⁹ Там же, 14 апр.

церквей в связи с провокационными распространяемыми слухами „о насилии“ большевиков над церковью... Протестуя против фактического изъятия ценностей назначенными комиссиями, оппозиционеры высказались за „автономию“ церкви в деле помощи голодающим. По сообщениям районных отделов управления, за март не зарегистрировано столкновений между „приверженцами“ церкви и комиссиями по изъятию». ³⁰ Основная часть церковных богатств была изъята в апреле. И в ходе этих акций в городе не произошло таких кровавых событий с человеческими жертвами, как, например, в Шуче или Смоленске. За все время кампании случилось менее двух десятков инцидентов, инициаторами же столкновений, как правило, являлись не священники. Это видно из хранящихся в архиве отчетов, сообщений о подобных инцидентах в различных районах города, в том числе наиболее сложных: 1-м Городском, Нарвско-Петергофском, Смольнинском. ³¹ В секретной «Обзорной сводке политического и административного состояния гор. Петрограда за апрель 1922 г.» констатировалось «блестящее» проведение всей кампании, ход которой раскрывался в разделе «Духовенство и изъятие ценностей». ³²

Но по многим районам страны исполнение декрета ВЦИК прошло далеко не так безболезненно, как в Петрограде. В целом по России имело место более тысячи кровавых эксцессов, в основном грубо спродюцированных насильственными действиями комиссий по изъятию ценностей. Это было использовано для разгрома руководства церкви, без чего провести «церковную революцию» оказалось невозможно. С конца апреля начались судебные процессы над священнослужителями, которым, не имея на то действительных оснований, сразу придали ярко выраженный политический характер. Первый подобный процесс проходил 26 апреля—7 мая в Москве. Он был направлен главным образом против патриарха, и вскоре Тихон, уже в значительной степени дискредитированный в печати, был арестован. К началу мая относятся первые, пока еще немногочисленные аресты в Петрограде.

Тесно связанной с кампанией по изъятию ценностей являлась «церковная революция», породившая раскол в Русской православной церкви, смуту среди духовенства и верующих. Это отдельная тема, которой посвящен значительный комплекс материалов ЦГА Санкт-Петербурга, однако на некоторых из этих документов остановиться необходимо. Митрополит даже после отречения 12 мая патриарха Тихона занял мужественную позицию, отказавшись от всяких компромиссов с «обновленцами» и отлучив от церкви в своем воззвании 28 мая их петроградских руководителей. ³³

Именно эта акция предредила судьбу Вениамина. Его влияние на верующих было очень велико, и послание от 28 мая не могло не произвести на них огромного впечатления: оно сразу же подорвало авторитет «обновленцев» и угрожало в зародыше раздавить новую «революционную церковь». Из частично хранящихся в ЦГА Санкт-

³⁰ ЦГА СПб., ф. 1001, оп. 3, д. 1418, л. 5—5 об.

³¹ Там же, д. 1420, л. 79 об., 83; оп. 7, л. 15, л. 61—63; ф. 7384, оп. 33, д. 128, л. 3.

³² Там же, ф. 1001, оп. 3, д. 1418, л. 6 об.—7.

³³ Петроградским правд., 1922. 30 мая.

Петербурга протоколов заседаний бюро губкома РКП(б) следует, что 30 мая партийное руководство города приняло решение: «Процесс о полах, противодействовавших изъятию церковных ценностей, начать 7—8/VI... В целях изоляции признать целесообразным арест Вениамина».³⁴ Срочно стал готовиться грандиозный судебный процесс над священнослужителями, аналогичный московскому. Обвинялись Вениамин и другие священники и миряне в том, «что первый, состоя главой православной церкви в Петроградской губернии, а последние — членами правления общества церковных приходов, добивались изменения декрета об изъятии церковных ценностей, для чего использовали свою организацию, действуя тем самым... в целях возбуждения религиозного населения к волнениям, в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции».³⁵ Дело митрополита Вениамина было создано из существовавших к тому времени нескольких отдельных находящихся в производстве дел, возникших по поводу некоторых эпизодов, имевших место при изъятии ценностей в различных петроградских церквях и в разное время. При появлении надобности в организации подобного процесса эти дела объединили в одно, и все события, в них изложенные, объявили результатом злонамеренного подстрекательства со стороны «преступного сообщества» во главе с митрополитом.

Сразу после ареста Вениамина петроградское духовенство попыталось спасти своего владыку. 6 июня в губисполком было направлено коллективное ходатайство о его освобождении: «На состоявшемся с разрешения отдела управления пастырском собрании духовенства г. Петрограда 5-го июня сего года, в коем приняло участие свыше 150 чел. духовенства, по заслушанию доклада протоиерея Введенского и др. о положении церкви в настоящее время вообще, и в частности в Петроградской епархии, состоялись и приняты единогласно следующие резолюции: 1. (3-я резолюция). Просить Советскую власть об освобождении — на поруки всего духовенства г. Петрограда — митрополита Вениамина как совершенно непричастного, по нашему глубокому убеждению, к контрреволюционным выступлениям и действиям каких-либо политических партий; и 2. (5-я резолюция). Засвидетельствовать перед Советскою властью абсолютную аполитичность православного духовенства г. Петрограда, и в частности полную непричастность его к резолюциям политического характера, внесенным на Карловицком церковном соборе, и к деятельности тех или других политических партий».³⁶ Однако последовал отказ. Верующие также пытались защитить Вениамина. Как свидетельствуют отчеты отдела управления Петроградского Совета, в городе состоялось несколько демонстраций протеста, но их разогнали силой.³⁷

В результате судебного процесса 10 июня—5 июля 1922 г. 10 священнослужителей и мирян из 86 обвиняемых были приговорены к расстрелу.

³⁴ ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 6, л. 108, л. 68.

³⁵ Красная газета. 1922. 9 июня.

³⁶ ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 6, л. 41, л. 135—135 об.

³⁷ Там же, ф. 1001, оп. 169, л. 1420, л. 44.

В доступных исследователям материалах ЦГА Петербурга нет протоколов или стенограмм этого судебного процесса. Пока можно использовать в основном косвенные документы. Вполне вероятно, что уже в ближайшее время по мере развития процесса рассекречивания в архиве ситуация изменится. Но и сейчас, привлекая опубликованные источники и изданные воспоминания участников и свидетелей суда, можно представить его достаточно адекватную картину. Жестокое и несправедливое постановление было предпринято заранее. Позднее 6 из приговоренных к смертной казни помиловал ВЦИК, а четверо, в том числе митрополит Вениамин, были расстреляны в ночь с 12 на 13 августа. Так начиналась самая тяжелая полоса в многолетней истории Русской православной церкви.

В целом следует отметить, что документы религиозных обществ, хранящиеся в ЦГА Петербурга, являются ценнейшим источником для изучения как политической истории русского православия, так и религиозной политики Советского государства. Они содержат достоверную информацию, позволяющую комплексно и всесторонне исследовать вопросы складывания взаимоотношений церковных и государственных структур в годы гражданской войны и последующие периоды, проследить, как завязывались узлы их трагических конфликтов. Фактический материал, содержащийся в указанных документах, заставляет серьезно корректировать многие, казавшиеся еще недавно бесспорными, положения в трудах советских историков. Работа по его изучению только началась, и несомненно, что вскоре в этой области последуют новые важные находки и открытия.